

# АМЕРИКАНСКАЯ

Х. Эллисон



Парень и его пёс



ЭЛЛИСОН Х.

Парень и его пес:  
фантастическая повесть. Пер. с англ.

Харлан Эллисон — известный американский фантаст, неоднократный лауреат высших премий в жанре фантастики. Повесть «Парень и его пес» получила в 1969 году премию «Небьюла», вручаемую Ассоциацией американских писателей-фантастов.

Совет народных депутатов г. Свердловска.  
ТМ КВН УПИ. 1990.

## ГЛАВА 1.

Я был снаружи с Бладом, моим псом. Наступила его неделя досаждать мне: он непрерывно именовал меня Альбертом. Очевидно, псина думала, что это чертовски забавно.

Я поймал ему пару водяных крыс и стриженного пуделя с поводком, удравшего у кого-то из подземок, так что Блад не был голоден и был не прочь почудить.

— Давай, сукин сын, — потребовал я. — Найди мне девку.

Пес только хмыкнул, судя по урчанию в глубине глотки.

— Ты смешон, когда тебя одолевает похоть.

Может, я и был достаточно смешон, чтобы пнуть этого беженца с мусорной свалки по его узкой заднице.

— Найди! Я не шуткую!

— Какой стыд, Альберт. После всего того, чему я тебя обучил, ты опять говоришь: «не шуткую»! Не шучу!!!

Блад почувствовал, что моему терпению приходит конец и очень неохотно принялся за дело. Он уселся на искрошенные остатки тротуара, его лохматое тело напряглось, веки задрожали и закрылись. Потекли томительные минуты. Минут через пятнадцать он распластался, вытянув передние лапы и положив на них свою косматую голову. Напряжение оставило его, и пес начал медленно подрагивать, словно его кусала блоха. Это продолжалось еще четверть часа, и, наконец, он повернулся и лег на спину, голым брюхом к вечернему небу, сложив передние лапы, как богомол, и бесстыже раздвинув задние.

— Извини, — сказал он. — Я ничего не обнаружил.

Я был взбешен и готов был избить пса, но понимал, что тот старался и сделал все возможное. Неудачный поиск Блада меня подкосил: я дико хотел завалить какую-нибудь девку. Но что тут сделаешь?

— Ладно, — проворчал я, смирившись. — Черт с ним!

Он перевалился на бок и быстро поднялся.

— Чем ты хочешь заняться?



— У нас не так уж и много дел, которыми мы могли бы заняться, верно? — ответил я не без доли сарказма.

Он снова уселся, теперь у моих ног, с оскорбленно-смирненным видом. Я привалился к расплавленному обрубку уличного фонаря и задумался о девушках. Это было болезненно!

— Мы всегда можем пойти в кино, — сказал я наконец.

Блад оглядел улицу и ничего не ответил. Собачье отродье ждало моего последнего слова. Он любил кино не меньше, чем я.

— Ну ладно, поцпи.

Пес вскочил и потрусил за мной, высунув язык и часто дыша от удовольствия. Ладно, ты еще посмеешься, убудок. Не видать тебе кукурузных хлопьев!

«Наша Группа» была бродячей стаей, которая любила жить с комфортом и не могла удовлетвориться одними вылазками. Она нашла способ обеспечить себе такую жизнь сравнительно безопасным и чистым ремеслом. Парни «Нашей Группы» разбирались в киноискусстве и захватили зону, где располагался театр Метрополь. Никто не пытался вторгнуться на их участок, поскольку кино нужно было всем. И пока «Наша Группа» могла обеспечивать бесперебойный показ, парни оставались на работе, обслуживая даже таких соло, как мы с Бладом. Особенно таких одиночек, как мы.

Сначала я купил билеты — это стоило мне банку свинины за себя и жестянку сардин за Блада. Потом охранник «Нашей Группы» направил меня к нише, и я сдал свое оружие: 45-й Кольт и Браунинг-22. Увидев, что из разбитой трубы в потолке течет вода, я сказал приемщику, парню с огромными бородавками по всему лицу, чтобы он передвинул мое оружие в сухое место. Тот игнорировал меня.

— Эй ты! Жаба чертова! Сдвинь мои вещи в другую сторону... Если появится хоть пятнышко ржавчины, я тебе кости переломаяю!

Он стал было препариться, поглядывая на охранников с Бренами и зная, что если меня вышвырнут, я потеряю свой взнос, неважно, попаду я внутрь или нет. Но они не желали связываться и кивнули ему сделать так, как я говорю. Бородавчатый нехотя передвинул Браунинг в сухое место, а Кольт повесил на крючок под полкой.

Блад и я вошли в театр.

— Я хочу хлопьев.

— Перебьешься.

— Ладно, Альберт. Купи мне хлопьев.

— Я совершенно пустой. А ты можешь прожить и без хлопьев.

— Ты ведешь себя, как дерьмо, — гневно сказал пес.

Я пожал плечами. Меня это не трогало.

Зал оказался переполненным. И я был очень доволен, что охранники не удосужились отобрать еще что-нибудь, кроме огнестрельного оружия. Пика и нож, покоящиеся в смазанных ножнах на спине, придавали мне уверенности.



Пес нашел два места рядом, и мы начали пробираться по ряду, наступая на ноги. Кто-то ругнулся, но я его игнорировал. Зарычал доберман. Шерсть на спине Блада вздыбилась, но он позволил этой выходке сойти с рук. Даже на такой нейтральной территории как Метрополь, можно нарваться на неприятности.

Я однажды слышал о свалке, имевшей место в Гранд Льюисе, на южной стороне. Она окончилась смертью десятка бродяг и их псов, а театр сгорел дотла. Вместе с ним сгорела пара отличных фильмов с участием Кэгни. После этого банды пришли к соглашению, что кинозалы получают статус убежищ. Сейчас стало лучше, но всегда найдется кто-нибудь, у кого беспорядок в голове мешает быть терпимым.

Мы попали на тройной сеанс. «Крутая сделка» оказалась самым старым фильмом из трех. Картина была снята в 1948-м году, 76 лет назад, и только Богу было известно, как она еще не рассыпалась. Лента соскакивала с катушек, и ребятам то и дело приходилось останавливать фильм, чтобы перезарядить проектор. Но кино было неплохим.

Фильм рассказывал о соло, которого предала его же шайка и как он мстил им. Гангстеры, банды, масса потасовок и стрельбы. Серьезно, неплохое кино.

Второй показывали вещь, сделанную во время Третьей Войны, за два года до моего рождения. Называлась она «Запах Ломтя». В основном брюховспарывание и немного рукопашной. Отличные сцены разведывательных гончих, вооруженных напалмометами, сжигающих китайские города. Блад пожирал ее глазами, хотя смотрел эту картину не в первый раз. Как-то он попытался доказать мне, что этот фильм про его предков, я не поверил и сказал, что считаю это чушью собачьей. Но пес так и не расстался со своей невероятной идеей.

— Не хочешь сжечь ребеночка, герой? — шепнул я ему на ухо.

Блад понял издевку, поерзал на своем месте, но ничего мне не ответил, продолжая с удовольствием смотреть, как псы прожигают себе дорогу в городе. Я чуть ли не умирал со скуки. Я ждал главного фильма.

Наконец пришло и его время. Он был потрясающим, сделан в конце 70-х и назывался «Черные кожаные ленты». С самого начала все шло как по маслу. Две блондинки в черных кожаных корсетах и сапогах, зашнурованных до самой развилки, с кнутами и масками, завалили тощего парня. Одна из цыпочек села на его лицо, а другая устроилась на нем верхом. После этого началось что-то невообразимое. Сидевшие вокруг меня соло трахали сами себя. Я и сам собрался было немного облегчиться, как вдруг Блад повернулся ко мне и сказал совсем тихо, как он обычно делает, когда унюхает необычный запах:

— Здесь имеется курочка.

— Ты рехнулся, — прошептал я.

— Я ее чую. Она здесь, человек.



Стараясь не показаться подозрительным, я огляделся. Почти все места в зале были заняты соло и их псами. Если бы сюда проскользнула девка, поднялся бы бунт. Ее бы разорвали на части прежде, чем какой-нибудь счастливчик залез бы на нее.

— Где? — спросил я тихонько.

Вокруг меня ушащенно работали соло. Когда же на экране блондинки сняли маски и одна из них стала обрабатывать тощего парня толстым деревянным прутот, по залу прокатился стон.

— Дай мне минуто, — донесли до меня слова моего пса.

Он серьезно сосредоточился: тело напряглось, глаза закрыты, ноздри трепещут. Я не стал мешать ему. Пусть поработает.

Это могло оказаться вероятным. Я знал, что в подземках снимались совсем дрянные фильмы, тот тип дерьма, который пользовался спросом в 30-е и 40-е годы. Все чистенько, и даже женатые пары спят на отдельных кроватях. До меня доходили слухи, что время от времени какая-нибудь смелая курочка из благонравных подземок украдкой являлась поглядеть, на что похожа настоящая порнуха. Я не раз слышал о таком, но свидетелем ни разу не был.

А шансы встретить цыпочку в таком кинотеатре, как Метрополь, были особенно малы. В Метрополь заходил разный народ. Поймите правильно, у меня нет особых предубеждений против парней, которые ставят друг друга углом... черт возьми, я могу это понять. В нынешние времена курочек на всех не хватает. Но я не могу представить себя с каким-нибудь слабаком, который прицепится к тебе, ревнует, тебе приходится для него охотиться, а он воображает, что все, что ему необходимо сделать — это оголить для тебя свой зад, и ты сделаешь за него всю работу.

Поэтому, учитывая лихих парней, захаживающих в Метрополь, я был уверен, что вряд ли какая-нибудь курочка рискнет здесь появиться. А если она все-таки пришла, то почему другие псы не смогли ее учуять?

— Третий ряд впереди от нас, — выдал, наконец, Блад. — Место в проходе. Одета под соло.

— Как так получается, что ты смог ее учуять, а другим псам это не удалось?

— Ты забываешь, кто я такой!

— Я не забываю. Просто не верю тебе.

Но я все-таки верил моему псу. Если бы вы были таким же тупицей, как я когда-то, а пес вроде Блада вас столькому научил бы, вам приходилось бы верить ВСЕМУ, что он говорит. С учителем вряд ли поспоришь. Блад научил меня читать и писать, слагать и вычитать.

Чтение — вещь полезная. Оно может пригодиться в самых неожиданных случаях. Например, выбрать консервы в разбомбленном супермаркете. Пару раз умение читать помогло мне не взять консервированную свеклу. Свеклу я ненавижу.

И еще многое я узнал от собаки о жизни до Третьей Войны. Поэтому мне пришлось поверить, что он сумел учуять здесь девку,



хотя другие псы и не смогли. Блад рассказывал мне об этом миллион раз. ИСТОРИЯ — вот как он это называл. Бог мой! Я же не настолько туп! Я знаю, что это такое. **ЭТО ВСЕ ТЕ ДЕЛА, ЧТО СЛУЧИЛИСЬ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ!**

Я предпочитал слушать исторические рассказы непосредственно от Блада, вместо того, чтобы читать древние и изрядно обтрепанные книги, которые мой пес постоянно откуда-то притаскивал. А эта особенная история была исключительно о нем самом, и он вываливал ее на меня раз за разом. В конце концов я вызубрил ее наизусть, слово в слово. А когда твой пес выучит тебя всему, что ты знаешь, тебе приходится ему верить. Но я постарался, чтобы этот любитель задирать лапу у столбов и деревьев, никогда не узнал об этом.

## ГЛАВА 2.

Более пятидесяти лет назад, еще до того, как началась Третья Война, в Керитосе жил человек по имени Бисниг. Он выращивал собак и тренировал их. У него была овчарка-четыrehлeтka по кличке Жинжер. Работала она в департаменте Лос-Анджелесской полиции, в отделе по борьбе с наркотиками. Собака была умна и обладала потрясающим, стопроцентным обонянием. Она безошибочно находила марихуану, неважно, насколько надежно та была спрятана.

Однажды ее протестировали. Тест проводили в складе, где хранилось 25 тысяч ящиков. Выбрали пять ящиков и уложили в них марихуану, предварительно запечатав ее в целлофан, затем обернули алюминиевой фольгой, далее плотной бумагой и, наконец, спрятали в коробки и запечатали их. За семь минут Жинжер обнаружила все пять ящиков.

В то время, как собака была занята работой в полиции, в 92-х милях к северу, в Санта Барбаре, ученые выделили экстракт спинной жидкости дельфина и впрыснули его нескольким шимпанзе и собакам определенных пород. Чередуя хирургию и прививки, они добились первого успешного результата эксперимента: двухлетнего кобеля по кличке Абху, который телепатически передавал чувственные впечатления. Продолжая экспериментировать с некоторыми породами собак, ученые закрепили полученные результаты и вывели первых бойцовых собак как раз к началу Третьей Войны (обезьяны не оправдали ожиданий, и эксперименты над ними прекратились). Телепатия на коротких дистанциях, легкость обучения, способность выслеживать бензин, вражеские отряды, отравляющие газы, распознавать радиацию и в то же время преданность хозяевам превратили их в шоковые командос нового типа. Избирательные свойства развились в нужном направлении. Четыре породы собак обладают телепатическими способностями. **Супер-собаки. Гении!**



Жинжер и Абху, как утверждал Блад, были его предками. До этого момента я не верил моему псу. Его (ее) шапочка была натянута до самых глаз, воротник куртки поднят.

— Ты уверен?

— Да. Это девушка.

— Может, и девушка, только трахает себя как заправский парень.

Блад хмыкнул.

— Сюрприз, — изрек он с сарказмом.

Загадочный соло остался смотреть «Четвертую сделку» по-новой. В этом определенно был смысл, если он (она) действительно — девушка. Большинство зрителей ушли из зала после порно. Новый сеанс набрал не слишком-то много желающих, улицы опустели, и он (она) мог в большей безопасности вернуться туда, откуда появился. Нам с псом пришлось высиживать «Крутую сделку» заново. Блад зевнул.

Таинственный соло встал и двинулся к выходу. Я не стал дергаться, а дал время этому малому забрать оружие и начал собираться. Дернув Блада за ухо, я тихо приказал:

— За работу.

Он поплелся следом за мной по проходу. Забрав оружие и внимательно осмотрев улицу, я забеспокоился. Пусто.

— Ну ладно, носатый. Куда он пошел?

— Она. Направо.

Мы повернули направо. На ходу заряжая Браунинг, я старался разглядеть хоть какое-нибудь движение впереди, среди развалин. Этот район города лежал в руинах. Все было разбито, искорежено, брошено. Жуткая картина. И понятно: ведь «Нашей Группе», занимавшейся Метрополем, не было нужды прикладывать руки к чему-либо, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь. В этом и состояла ирония судьбы: «Драконам» приходилось содержать в порядке электростанцию, чтобы получать взносы от других стай; «Кучка Эда» обслуживала резервуары с водой; «Шквальный Огонь», как батраки, вкалывали на марихуановых полях; «Черные Барбадоса» ежегодно теряли два десятка парней, вычищая радиационные ямы по всему городу. А «Наша Группа» всего-то и делала, что крутила кино!

— Она свернула здесь, — нарушил молчание Блад.

Он повернул к окраине города, к голубовато-зеленоватому мерцанию, исходящему от холмов. Я последовал за ним. Теперь до меня дошло, что пес прав. В этом месте никто не селился. Кому охота становиться уродом из-за радиации? Единственной заслуживающей здесь внимания вещью была побочная спусковая шахта в подземку. Мы шли за девушкой, без сомнения.

Моя задница напряглась, когда я подумал об этом. Сегодня я завалю девку! Я слишком долго ждал. Почти месяц прошел с того дня, как Блад вынюхал ту цыпочку-соло в подвале Рыночной Корзины. Она была омерзительно грязна... Я подхватил от нее на-



секомах... Но она оказалась женщиной и с того момента, как я огрел ее пару раз по голове и привязал, все пошло как по маслу. Я ей тоже пришлось по вкусу, хотя девка плевалась и грозилась убить меня, как только освободится. Мне пришлось оставить ее связанной, на всякий случай. Ее там уже не было, когда я из любопытства заглянул в подвал на позапрошлой неделе.

— Смотри внимательнее, — предупредил Блад, огибая воронку, почти невидимую в сумерках. На дне воронки что-то копошилось.

Странствуя по ничейным территориям, я начал понимать, почему большинство соло и членов стай были парнями. Война погубила почти всех девушек, как всегда и происходит на войне... во всяком случае так говорил мне Блад. Те немногие курочки, что не убралась в подземки со средним классом населения, были крутыми одинокими суками, вроде той, что досталась мне в подвале Рыночной Корзины: жестокими и мускулистыми, готовыми отрезать твой член, как только тыпустишь его в дело. Чем старше я становился, тем труднее и труднее было найти себе девку.

Помогали случайности. Или курочке надоедало быть собственностью стай, или пяток стай организовывал рейд в подземку, или — как произошло в этот раз — у благонаправной цыпочки из какой-нибудь подземки возникал зуд, она решала поглядеть, на что же похожа настоящая порнуха и всплывала наверх. Сегодня я завалю девку! Боже, я не мог дожидаться этого момента!

### ГЛАВА 3.

Здесь, на окраине города, не было ничего, кроме голых каркасов разрушенных зданий. Целый квартал был сровнен с землей, будто огромный стальной пресс обрушился с небес и превратил все под собой в пыль. Курочка была напугана и нервничала. Она быстро шла, меняя направление и оглядываясь. Понимала, что находится на опасной земле. Если бы только она знала, насколько опасна эта земля!

Одно здание в конце расплющенного квартала стояло неповрежденным, словно судьба промахнулась по нему и позволила остаться. Цыпочка нырнула внутрь, и через минуту я увидел прыгающий свет.

Мы с Бладом перешли улицу и вошли в темноту, окружающую здание. Над дверями я прочел вывеску: «Ассоциация молодых христиан». Что означала эта надпись? Кем были эти «молодые христиане»? Черт побери, иногда умение читать больше ставит в тупик, чем помогает разобраться!

Я не хотел, чтобы она выходила: внутри дома было так же удобно трахаться, как и в любом другом месте. Поэтому я принял меры и оставил Блада сторожить на ступеньках у входа в развалины, а сам обошел здание, намереваясь войти с задворок. Все двери и окна были выбиты, так что я вошел без особого труда: подтянулся за подоконник и спрыгнул внутрь.



Внутри было темно и тихо. Только отчетливо слышалась возня цыпочки на другом конце старой развалины. Я не знал, вооружена деваха или нет, но не собирался рисковать: пристегнул Браунинг и вытащил 45-й Кольт. Автоматическое оружие очень удобно: мой Кольт не раз выручал меня в перестрелках. Не должен подвести и на этот раз.

Я начал осторожно двигаться через комнату — это оказалось что-то вроде раздевалки. На полу повсюду валялось битое стекло и разный хлам, с одного ряда металлических шкафчиков выгорела краска. Термический взрыв достал их через окна много лет назад. Мои тапочки не издали ни одного звука, пока я шел через эту раздевалку. Дверь висела на одной петле, и, переступив через нее, я оказался в зале с бассейном. Бассейн был сух и пуст, и уже давно.

Лежало здесь жутко! И не удивительно: вдоль одной из стен лежали мертвые парни, вернее то, что от них осталось. Какой-то неряшливый чистильщик сложил их здесь и не удосужился похоронить. Я завязал нос платком и двинулся дальше. Вышел в маленький коридорчик с разбитыми светильниками в потолке.

Видел я вполне нормально: сквозь выбитые окна и дыры в потолке просачивалось достаточно лунного света. Теперь я слышал ее совершенно отчетливо, по другую сторону двери в конце коридорчика. Совершенно бесшумно я приблизился к заветной двери, слегка приоткрытой. Какая досада! Дверь с другой стороны была завалена штукатуркой. Когда я начну открывать ее — это, без сомнения, произведет много шума. Как бы не упустить курочку! Что ж, буду дожидаться подходящего момента.

Прижимаясь к стене, я осторожно заглянул в щель и увидел большой гимнастический зал, с канатами, свешивающимися с потолка. Здесь имелись брусья, гимнастические кольца, батут, а к стене крепились лестницы для упражнений и шведская стенка. Большой квадратный фонарь девушка положила на козла для прыжков. Я решил приметить это место на будущее: здесь будет куда удобнее тренироваться, чем в том старом сарае, который я оборудовал на автомобильной свалке. Парню необходимо поддерживать свою форму, если он собирается остаться соло.

Она сбросила с себя всю маскировку и стояла нагишом. Было довольно прохладно, и тело ее покрылось пупырышками «гусиной кожи». Цыпочка оказалась среднего роста, с хорошо развитой грудью, с чуть худыми ногами. Она расчесывала волосы, прямые и длинные, струившиеся по ее плечам и спине. Фонарь давал мало света, и я не мог разглядеть, рыжие или каштановые у нее волосы. По крайней мере, не блондинка. Это хорошо. Блондинок я не переваривал.

Сброшенная одежда бесформенной кучей валялась на полу. На коне лежала ее повседневная одежда: нечто воздушное, полупрозрачное и очень красивое. Она стояла в маленьких туфлях с какими-то странными каблуками.



Совершенно неожиданно я понял, что не могу шевельнуться. Девушка была красивой, по-настоящему красивой. Мне оказалось приятно просто смотреть на нее: как сужается тело в талии и расширяется в бедрах, как приподнимается грудь, когда она поднимает руки, чтобы расчесать волосы. Это было странно, непостижимо! Что-то такое, ну женственное, что-ли. Мне жутко понравилось.

Я просто стоял и смотрел, не отрывая взгляда. И это было так приятно! Все те, которых я поимел раньше, были просто потасканными шлюхами. Блад их вынюхивал для меня, и они годились лишь для разового употребления. Эта же оказалась другой, нежной и гладкой, даже несмотря на «гусиную кожу». Я мог бы простоять так всю ночь.

Она отложила расческу, взяла трусики и натянула их на себя. Затем выбрала лифчик и надела его. Я никогда раньше не видел, как девушки его надевают. Она обернула лифчик вокруг талии задом наперед, застегнула крючок и начала поворачивать, пока чашечки не оказались спереди. Подтянув его кверху, девушка вложила сперва одну грудь, потом другую, а затем перебросила лямки на плечи. Цыпочка потянулась к платью, а я осторожно убрал с дороги крупный кусок штукатурки и взялся за край двери.

Она держала платье над головой с вложенными в него руками и собиралась просунуть голову, запутавшись в нем на секунду, когда я дернул дверь, с шумом отбрасывая с дороги куски дерева и штукатурки. И прежде, чем девушка успела выбраться из платья, я схватил ее.

Она начала было кричать, но сразу же умолкла. Ее лицо было бешеным. Просто бешеным. Огромные глаза, отличные черты лица, высокие щеки с ямочками, маленький нос. Цыпочка устала на меня в полном ужасе, еще не до конца понимая из-за чего весь этот шум. И тогда... и вот что действительно странно... я почувствовал, что должен ей что-то сказать. Не знаю, что именно. Просто что-нибудь. Мне стало как-то неуютно видеть ее такой напуганной, но с этим я ничего не мог поделать. То есть, конечно, я собирался изнасиловать ее и не мог достаточно убедительно объяснить ей, чтобы она не слишком-то из-за этого расстраивалась. В конце концов, она сама сюда явилась. Но даже в этом случае мне хотелось сказать ей: «Не надо так пугаться, я просто хочу тебя уложить». Такого со мной раньше не случалось. Мне никогда не хотелось что-либо говорить девкам, просто трахнуть, и все дела.

Это странное желание внезапно прошло. Я подставил цыпочке ногу, толкнул, и она упала, глухо ударившись об пол. Я направил на нее 45-й Кольт, и рот ее приоткрылся в испуге.

— Теперь я хочу пойти вон туда и взять один из борцовских матов, чтобы нам было поудобнее, понимаешь? Только попробуй шевельнуться, и я отстрелю тебе ногу. Но в любом случае ты будешь изнасилована. Разница только в том, что останешься без ноги.

Я подождал, пока до курочки дойдут мои слова. Наконец, она медленно кивнула и я, продолжая держать ее на мушке, полотел



к пыльной гряде матов и вытянул оттуда один. Подтащив мат к ней, я перевернул его чистой стороной вверх и при помощи дула 45-го помог красотке перебраться на него. Она села, согнув ноги в коленях и обхватив их руками, и уставилась на меня, как кролик на удава.

— Я расстегнул «молнию» джинсов и начал их стаскивать, когда заметил, что она как-то странно разглядывает меня. Я бросил копаться со штанами.

— Что ты на меня уставилась? — прорычал я.

Не знаю, что на меня нашло, но я словно взбесился.

— Как тебя зовут? — тихо спросила она.

У девушки оказался нежный голос и какой-то пушистый, словно горло изнутри было выложено мехом или еще чем-то в этом роде. Она смотрела на меня, ожидая ответа.

— Вик, — сказал я.

Она продолжала смотреть, будто ей этого было мало и она ждала продолжения.

— Вик. А как дальше?

Я сначала не понял, что она имеет в виду, а потом сообразил.

— Вик. Просто Вик. Это все.

— Ну, а как звали твоих родителей?

Тогда я засмеялся и продолжил стягивать джинсы.

— Ну и дура же ты, — проговорил я, все еще смеясь.

Она обиделась, а я снова взбесился.

— Брось этот дурацкий вид или я тебе зубы вышибу! — заорал я.

Она сложила руки на коленях. Я спустил штаны со щиколоток, но дальше они не снимались. Им мешали тапочки. Мне пришлось балансировать на одной ноге, стаскивая тапочек с другой. Это был хитрый трюк — держать ее под прицелом 45-го и в то же время снимать обувь — но он мне удался. Я стянул с себя плавки, а курочка все так же сидела, держа руки на коленях.

— Скинь с себя эти тряпки, — приказал я.

Несколько секунд она не двигалась, и я уже решил, что предстоит хлопоты... Но тут она потянулась рукой за спину и расстегнула лифчик, затем откинулась назад и стащила трусики. Девушка больше не казалась напуганной. Она внимательно наблюдала за мной. И вот тут случилось что-то по-настоящему странное: я не мог изнасиловать ее! Ну, не совсем уж не мог... просто что-то противилось этому внутри меня. Цыпочка была такая нежная и красивая и продолжала так странно смотреть на меня... Ни один соловей не поверил бы мне, но я вдруг услышал, как заговорил с ней, словно у меня произошло разжижение мозгов.

— Как твоё имя?

— Квилла Джун Холмс.

— Что за дурацкое имя?

— Моя мама говорит, что оно не такое уж необычное в Оклахоме.



— Это где родились твои старики?

Она кивнула:

— До Третьей Войны.

Мы словно замороженные разговаривали и разглядывали друг друга.

— Ну ладно, — решительно сказал я, собираясь пристроиться рядом с ней. — Нам лучше будет...

Черт его побери! Этого чертова Блада! В самый неподходящий момент он ворвался с улицы, спотыкаясь о куски штукатурки, поднимая пыль и тормозя задницей по полу.

— Ну чего тебе? Что стряслось? — прорычал я.

— С кем ты говоришь? — спросила девушка.

— С ним. С Бладом, моим псом.

— С собакой?

Блад уставился на нее, затем отвернулся. Он собрался было что-то сказать, но девушка перебила его:

— Значит, это правда, что они говорили... что вы можете разговаривать с животными...

— Ты будешь с ней беседовать всю ночь или захочешь узнать, почему я явился? — ехидно поинтересовался пес.

— Ладно. Что там у тебя?

— Неприятности, Альберт.

— Давай короче. Что именно?

Блад повернул голову к входной двери.

— Стая. Окружила здание. По моим расчетам человек 15-20, может, чуть больше.

— Как они узнали, что мы здесь?

Этот сукин сын выглядел раздосадованным. Он прятал глаза.

— Ну?

— Должно быть, еще какой-нибудь пес учуял ее в театре, — промямлил он.

— Великолепно.

— Что теперь?

— Отбиваться, вот что. У тебя имеются какие-нибудь лучшие соображения?

— Только одно.

Я ждал. Он ухмыльнулся.

— Подтяни свои штаны!

#### ГЛАВА 4.

Квилла Джун устроилась довольно безопасно. Я соорудил ей укрытие из борцовских матов. Ее не заденет случайная пуля, и, если она по глупости не выдаст себя, — не начнет орать или еще что-нибудь в том же роде — то ее и не обнаружат.

Я вскарабкался по одному из канатов, свисающих с балки, и обосновался там наверху с Браунингом и парой горстей патронов.



Конечно, я предпочел бы автомат Брен или Томсон, но, увы! Перепроверив Кольт и убедившись, что он полон, я разложил запасные обоймы на балке. Передо мной, как на ладони, лежал весь гимнастический зал. Прекрасный обзор!

Блад залег в тени возле входной двери. Он предложил, чтобы я сначала пристрелил всех собак стаи, тогда он получит свободу действий. Это была меньшая из моих тревог.

Я предпочел бы закрыться в другой комнате, только с одним входом, ну, и выходом, естественно, но я не знал, где находится банда. Может, парни уже в здании... По-моему, я сделал лучшее из всего, что мог сделать в такой дерьмовой обстановке.

Все было тихо. Даже Квилла Джун не пикнула. У меня ушло несколько драгоценных минут, чтобы растолковать ей, что если она не станет трепыхаться, то ей, несомненно, будет лучше со мной одним, чем с двумя десятками лихих парней.

— Если хочешь увидеть папочку с мамочкой еще раз, — предупредил я ее, — сиди тихо и не высовывайся.

После этого я без особых затруднений упаковал ее матами.

Тишина.

Внезапно я услышал два разных звука, оба в одно и то же время. В конце бассейна захрустела штукатурка под сапогами. Совсем негромко. А с другой стороны звякнул металл, задевший деревяшку. Итак, стоя собралась сделать первую попытку. Что ж, я готов.

Я нацелил Браунинг на дверь, ведущую в бассейн и все еще открытую после моей удачной операции. Прикинув рост врага, как шесть футов, я опустил прицел пониже на полтора фута, чтобы угодить в грудь. Я давным-давно понял, что не следует пытаться попасть в голову. Целиться нужно в самую широкую часть туловища: грудь, живот. Так вернее.

Парень у входной двери сделал шаг вперед в сторону Блада. Затем он отвел руку и бросил что-то — камень, кусок железа или еще что-нибудь подобное — через комнату, чтобы отвлечь внимание и отвести огонь. Я не пошевелился, даже и не думая стрелять.

Когда это что-то ударилось об пол, из дверей в бассейн выскочили два парня, готовые поливать огнем. Прежде, чем они успели сообразить, куда стрелять, я уложил первого, чуть двинул стволом и всадил вторую пулю в другого. Оба свалились замертво. Точное попадание, прямо в сердце. Никто не шелохнулся.

Братишка у дверей попытался улизнуть, но на нем повис мой пес. Прямо как молния из темноты, Блад прыгнул парню на грудь, выбил винтовку из рук и вонзил свои клыки в горло. Парень взвизгнул, пес отскочил, унося с собой кусок его глотки. Упав на одно колено, парень стал издавать какие-то булькающие звуки. Я всадил пулю ему в голову.

Снова наступила тишина.



Неплохо, совсем неплохо. Три удачи, и они еще не знают нашего расположения. Блад снова убрался в темноту у входа. Он не сказал мне ни слова, но я знал, о чем он думает: может быть, мы уложили троих из семнадцати, или троих из двадцати, или из двадцати двух. Невозможно узнать точно. Мы могли бы отбиваться неделю, но так и не узнали бы, покончили со всеми или нет. Стая могла уйти и вернуться с подкреплением. Я бы остался без патронов, без пищи, и эта девушка — Квилла Джун — стала бы плакать, отвлекая мое внимание. А они просто ждали бы снаружи, когда мы проголодаемся настолько, что выкинем что-нибудь глупое.

Парень выскочил из двери на хорошей скорости, прыгнул, падая на землю, перекатился, вскочил, бросился в другом направлении и выпустил три автоматные очереди в разные углы зала прежде, чем я смог проследить его Браунингом. Он оказался достаточно близко подо мной, и мне не понадобилось расходовать пулю из 22-го. Я бесшумно выхватил Кольт и отстрелил заднюю часть его головы вместе с волосами.

— Блад! Винтовку!

Блад выскочил из темноты, схватил пастью оружие и потащил к куче матов в дальнем углу зала. Я увидел, как из-за матов появилась рука, взяла винтовку и скрылась снова. По крайней мере, там оружие будет в безопасности, пока не понадобится мне. Храбрый пес подлетел к мертвому телу и стал стаскивать с него патронажную ленту. У него на это ушло время, за которое Блад вполне мог расстаться со своей жизнью — его могли подстрелить из окна или двери — но он все-таки сделал это. Храбрый маленький мерзавец! Я должен не забыть достать для него какой-нибудь приличной жратвы, когда мы отсюда выберемся. Если выберемся... Я усмехнулся: если мы выкарабкаемся из этой передраги, мне не придется беспокоиться о еде. Она валялась по всему полу гимнастического зала, причем, достаточно вкусненькая.

Как только Блад закончил свое грязное дело, еще двое парней со своими псами попытались уничтожить нас. Они ворвались через нижнее окно, один за другим, падая и переворачиваясь, и разбежались по разным углам. В то время, как их псы — уродливая акита, огромная как дом, и сука добермана цвета дерьма — влетели через переднюю дверь и бросились в два незанятых угла. Я достал акиту 45-м, и она с визгом опрокинулась. Доберман накрыл собой Блада.

Открыв огонь, я раскрыл свою позицию. Один из стаи выстрелил от бедра, и вокруг меня полетели щепы балки от 06-х пуль с мягкой головкой. Я выронил свой автоматический, когда потянулся за Браунингом, и тот заскользил по балке. Я попытался схватить Кольт. Это спасло мне жизнь. Я подался вперед, чтобы удержать пистолет, но он выскользнул и с треском ударился об пол зала. А парень из стаи выстрелил туда, где я только что находился. Я распластался на балке, свесив руки, а грохот удара спугнул его. Он



снова выстрелил — на звук моего упавшего оружия, и в тот же самый момент я услышал выстрел из винтовки, и второй молодец, благополучно добравшийся до матов, упал вперед, держась руками за здоровенную кровотокающую дыру в своей груди. Квилла Джун подстрелила его из-за матов.

У меня даже не нашлось времени сообразить, что же происходит... Блад кружил с доберманом, и звуки, которые они издавали, были чудовищными... Парень с 06-м сделал еще один выстрел и угодил прямо в дуло Браунинга, выступающего с края балки. Браунинг отправился вслед за 45-м. Я остался с голыми руками, а молодец уже скрылся в темноте. Мы поменялись ролями: я стал дичью, а он — охотником.

Еще один выстрел из винчестера. Парень принялся палить прямо в маты. Девка закопалась в глубине, и я знал, что на нее больше я не могу рассчитывать. Но в этом и не было нужды. В ту секунду, когда он сосредоточился на ней, я схватился за свисающий канат, перелетел через балку и воя, как обожженный напалмом, заскользил вниз, чувствуя, как канат режет мне ладони. Я опустил себя достаточно, чтобы оттолкнуться и начал раскачиваться, меняя направления. Сукин сын непрерывно стрелял, стараясь вычислить и достать меня, но я умудрялся держаться в стороне от линии огня. Вскоре его обойма опустела. Я оттолкнулся изо всех сил, со свистом полетел в его сторону и, отпустив канат, ворвался в его угол. Он не успел защититься, и я вцепился в глаза врага. Он завизжал, и псы завизжали, и девка начала визжать, а я стучал его головой об пол, пока он не перестал шевелиться. Затем схватил пустой 06-й и добил его уже окончательно.

Найдя Кольт, я пристрелил добермана. Блад поднялся и отряхнулся. Он был страшно испуган, в нескольких местах выдраны куски мяса, из ран обильно текла кровь.

— Спасибо, — прохрипел он, дополз до ближайшего угла и улегся зализывать раны.

Я пошел и раскопал девушку. Она плакала из-за парней, которых мы прикончили. Главным образом, из-за того, которого ОНА прикончила. Она билась в истерике и не понимала слов, поэтому мне пришлось слегка треснуть ее по щеке и сказать, что она спасла мне жизнь. Это немного помогло.

Приплелся Блад, волоча задние лапы.

— Как нам отсюда выбраться, Альберт?

— Дай подумать.

Я задумался, зная, что все бесполезно. Скольких бы мы ни прибили, явятся новые. Теперь это стало вопросом их мужского достоинства. И чести.

— Как насчет пожара? — предложил Блад.

— Убраться, пока здание горит? — я покачал головой. — Они оцепят здание плотным кольцом. Не пойдет.



— А что, если мы не уйдем? Что, если мы сгорим вместе с ними? — сказал мой пес и посмотрел на убитых парней.

Я глянул на него. Храбрый... И изворотливый, как дьявол.

## ГЛАВА 5.

Мы собрали всю мебель — маты, шведские стенки, ящики, все то, что могло гореть — и свалили этот хлам у деревянной перго-родки в конце зала. Квилла Джун отыскала банку керосина в кладовке и мы подожгли эту чертову кучу. Обчистив мертвых — забрав у них все оружие и боеприпасы — и прихватив с собой один мат, мы спустились в местечко в подвале здания, которое подыскал Блад. Это была бойлерная с двумя большими котлами. Мы втроем разместились в пустом котле, прикрыли крышку, оставив вентиляционное отверстие открытым для доступа воздуха.

— Ты можешь что-нибудь уловить? — спросил я псину.

— Немного. Совсем чуть-чуть. Я читаю мысли одного из парней. Здание горит отменно.

— Ты сможешь узнать, когда они отвалят?

— Может быть. ЕСЛИ они отвалят.

Я откинулся назад. Девушку все еще трясло от недавних событий.

— Успокойся, — сказал я ей. — К утру здесь останутся одни кирпичи. Банда все прочешет и найдет лишь жареное мясо. Может быть, они не слишком усердно будут искать твое тело... И тогда все будет в порядке... если только мы не задохнемся.

Она улыбнулась, совсем слабо, и постаралась выглядеть похорбее. Потом закрыла глаза, откинулась на мат и приготовилась спать. Ну что же, не так она и плоха, эта цыпочка. Сам я настолько устал, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Ты сможешь проследить их? — еще раз спросил я Блада.

— Постараюсь. Тебе лучше поспать, Альберт. Я покараулю.

Я кивнул, откинулся на мат и закрыл глаза.

Когда я проснулся, то обнаружил, что цыпочка прикорнула у меня под мышкой, обняв рукой за талию. Я едва мог вздохнуть, меня бросило в жар, словно я попал в печь. Хотя, какого черта, я и находился в печи. Дотронувшись до стенки котла, я резко отдернул руку: она оказалась такой горячей, что невозможно было притронуться.

Блад лежал на мате, высунув язык и часто дыша. Он вроде бы спал. Или делал вид, что спит. Как хорошо все-таки, что мы догадались захватить этот мат. Он оказался единственной вещью, которая спасала нас от ожогов.

Я притронулся рукой к груди девушки. Грудь была горячей. Курочка поворочалась и прижалась ко мне еще теснее. У меня



сразу же встал. Я умудрился в этой тесноте стянуть с себя штаны и перекатиться на нее сверху. Когда я раздвинул ей ноги, она проснулась, но было уже поздно.

— Не надо... прекрати... что ты делаешь... нет, не надо...

Она еще не совсем очухалась, была слаба, и мне показалось, что всерьез со мной бороться она не собирается. Конечно, цыпочка вскрикнула, когда я сломал ее, но после этого все было в порядке. На борцовский мат вылилось немного крови, а Блад продолжал дрыхнуть, как убитый.

С Квиллой все было совсем иначе. Обычно, когда я заставлял псину вынюхать для меня девку, все делалось в быстром темпе: схватить, воткнуть и убраться как можно скорее, пока не приключилось чего-нибудь дурного. Но сейчас все происходило совсем по-другому.

Когда мы кончили в первый раз, она так крепко обняла меня, что кости затрещали. Потом девушка медленно-медленно отпустила меня. Я смотрел на нее и удивлялся: глаза — закрыты, на лице — блаженство. Могу сказать точно — она была счастлива.

Мы трахались еще много раз, с ее подачи. И я, конечно же, не мог отказать. А потом, лежа рядышком, мы разговаривали. Она расспрашивала меня, как я общаюсь с Бладом. Я рассказывал ей, как боевые собаки развивали телепатические способности, как помогали людям сражаться в Третьей Войне. Что, овладев телепатией, они разучились сами находить для себя пропитание, и поэтому люди стали это делать за них. И как ловко собаки научились вынюхивать девок...

Я расспрашивал ее о жизни в подземках. На что эта жизнь похожа, много ли там девушек, и как они могут обходиться без неба и солнца?

— Там очень хорошо, но чересчур спокойно. Все друг с другом вежливы. У нас всего лишь небольшой городок под землей и народом не так уж и много.

— В каком ты живешь?

— В Топеке. Совсем рядом отсюда.

— Да, знаю. Спусковая шахта всего лишь в полумиле, к северу.

— Ты когда-нибудь бывал в подземном городе?

— Нет. И не думаю, что мне когда-нибудь захочется этого.

— Почему? Там очень хорошо. Тебе бы понравилось.

— Дерьмо.

— Это очень грубо с твоей стороны.

— Я и есть очень грубый.

— Но не во всем!

Меня это начало бесить:

— Слушай, дура! Что с тобой такое? Я выследил тебя, поймал, делал с тобой все, что хотел, изнасиловал полдюжины раз. Что во мне может быть хорошего?! У тебя что, не хватает мозгов понять, что когда кто-то...



Она улыбнулась, и я замолчал на полуслове.

— Но мне же понравилось. Хочешь, сделаем еще раз?

Я был так шокирован, что даже отодвинулся от нее.

— Ты совсем ничего не соображаешь? Не знаешь, что такая цыпочка, вроде тебя, из подземки, может быть изувечена таким соло, как я? Тебя что, не предупреждали родители: «Не появляйся наверху! Тебя украдут эти грязные, волосатые, дурнопахнущие соло!» Ты этого не знала?

Она положила руку на мое бедро и начала поглаживать, осторожно и нежно. У меня снова встал.

— Мои родители никогда не говорили так про соло, — ответила она.

Затем потянулась ко мне и поцеловала в губы. И я снова не смог удержаться. Боже! Это продолжалось несколько часов! Вдруг Блад повернулся и произнес:

— Я больше не могу притворяться спящим. Я голоден. И у меня болят раны.

Я отбросил Квиллу — на этот раз она была сверху — и осмотрел собаку. Доберман вырвал изрядный кусок из его уха, вдоль морды шел глубокий порез, и на боку зияла глубокая рана. Шкура о многих местах получила серьезные повреждения.

— Боже мой, приятель, тебе здорово досталось, — сказал я, окончив осмотр.

— Ты тоже не похож на розовый сад, Альберт, — огрызнулся он.

— Можем ли мы выбраться отсюда? — поинтересовался я.

Блад сосредоточился. Мы ждали. Затем он затряс головой и выдал:

— Я не могу никого прочесть. Наверное, куча мусора навалена на котел сверху. Придется выбираться отсюда на разведку.

Немного поспорив, мы решили, что если здание сгорело и остыло, стоя к этому времени должна была просеять весь пепел. А раз они не пытались взломать котел, значит, мы погребены довольно глубоко. Или все обстояло именно так, или здание все еще раскалено. Тогда парни бродят наверху и готовятся просеять отатки дома.

— Думаешь, тебе удастся что-либо уловить в таком состоянии? — спросил я с сомнением в голосе.

— Я думаю, что мне в любом случае придется это сделать, — язвительно ответил Блад. — Вы затрахались до потери памяти и, видимо, забыли, что нам нужно отсюда выбраться.

Я понял, что у меня с Бладом возникнут неприятности. Уже возникли. Ему не понравилась эта Квилла Джун. Я обошел моего пса и отодвинул задвижку дверцы котла. Дверца не открывалась. Я надавил на нее плечом. Что бы там ни навалилось с другой стороны, оно с минуту посопротивлялось, затем начало поддаваться и отвалилось с грохотом. Я распахнул дверцу настежь и выглянул. Ну и картинка! Верхние этажи провалились в подвал,



превратившись в основном в шлак и легкий мусор. Все вокруг дымилось, дневной свет пробивался с трудом. Видимость была нулевая.

Я обжег руки о внешнюю сторону задвижки и выскользнул наружу. Блад последовал за мной и начал продвигаться среди обломков. Бойлерный котел почти полностью покрывали сгоревшие останки здания. У нас появился шанс, что стая произвела небрежный осмотр, решила, что мы изжарились и двинулась дальше. Но в любом случае я хотел убедиться в нашей безопасности и настоял, чтобы пес провел разведку на местности, телепатически прослушав округу. Он уже было собрался, но я отозвал его обратно.

— Ну, в чем дело?

Я взглянул на него сверху вниз и зло сказал:

— Я скажу тебе, в чем дело, приятель. Ты ведешь себя паскудно.

— Меня это устраивает.

— Черт тебя побери, псина! Какая муха тебя укусила?

— Та чистенькая цыпочка, которую я тебе нашел.

— Ну и что из этого? Тоже мне, большие дела! У меня и раньше были курочки. И не одна.

— Да. Но никогда не было таких, которые так бы прицеплялись к тебе. Я предупреждаю, Альберт, у тебя будут с ней хлопоты.

— Не будь идиотом! — прорычал я.

Он не ответил, только глянул на меня сердито и отвалил проверять округу. Я вполз обратно и задвинул запор. Она снова хотела этим заняться, но я оттолкнул ее: Блад основательно подпортил мне настроение. Я был раздражен и не знал, на ком бы отыграться. Но боже, как она была хороша! Просто прелесть: надула губки и уселась, обхватив колени руками.

— Расскажи мне о подземках, — попросил я.

Поначалу девушка дулась и была немногословна, но потом разговорилась и почувствовала себя более свободно. Я многое узнал от нее. Много нового. Думаю, что это мне пригодится когда-нибудь.

От двух огромных стран, которыми являлись когда-то США и Канада, осталась всего пара сотен подземок. Они возникли на месте шахт, подземных озер, пещер. Некоторые из них представляли собой естественные подземные формации, уходящие вглубь земли на расстояние от двух до пяти миль. И люди, основавшие их, были праведниками худшей разновидности. Южные баптисты, фундаменталисты, евангелисты — все они были праведниками среднего класса, у которых абсолютно отсутствовал вкус к дикой жизни. Они создали у себя в подземках те порядки, которые были так милы их сердцу.

Прихватив с собой последних чудом спасшихся ученых, эти божьи служители убедили их сконструировать машины и прочее для поддержания жизни в подземельях. Когда же дело было сделано, ученых просто вышвырнули вон. Святоши не желали ника-



кого прогресса в будущем, не терпели никакого инакомыслия и освобождались от всего, что могло пошатнуть уклад их «идеальной» жизни. Лучшее время, по их понятиям, было до Первой Мировой Войны, и они решили, что если им удастся создать подобие тех времен, те порядки, то люди в подземельях сумеют выжить. И не просто выжить, а смогут неплохо жить: цивилизованно и добropорядочно. Дерьмо! Я бы там быстро свихнулся!

Квилла Джун улыбнулась и снова обняла меня. Я не стал отталкивать ее. Она начала меня ласкать, гладить: грудь, бедра, ноги... Мне было классно! Девушка спросила:

— Вик?

— Угу?

— Ты был когда-нибудь влюблен?

— Что?

— Влюблен. Был ли ты когда-нибудь влюблен в девушку?

— Ну, могу точно сказать, что никогда!

— Ты знаешь, что такое любовь?

— Конечно. Думаю, что знаю.

— Но, если ты никогда раньше не любил...

— У меня раньше никогда не было пули в голове, но я точно знаю, что мне бы это не понравилось.

— Я могу поспорить, что ты не знаешь, что такое любовь.

— Ну, если это означает жить в подземке, то я считаю, что и узнавать не стоит.

После этих слов Квилла потянула меня вниз, и мы снова начали трахаться. Потом я услышал, что снаружи скребется Блад, и, открыв задвижку, я впустил его.

— Все чисто, — удовлетворенно проговорил он.

— Ты уверен?

— Уверен. Надевай штаны, — сказал он с насмешкой в голосе. — И выходи отсюда. Мы должны кое-что обсудить.

Я оделся и выбрался из бойлера. Блад потрусил впереди меня, а сторону от котла, через какие-то прогоревшие балки. Мы выбрались из здания, которое выглядело как обломок сгнившего зуба.

— Ну, что тебя еще донимает?

Он вскочил на кусок бетонной плиты и оказался вровень со мной, нос к носу. Наши взгляды встретились.

— Ты пренебрегаешь мной, Вик!

Я понял, что дело серьезное. Никакого Альберта, чистый Вик.

— С чего ты это взял?

— Прошлая ночь, человек. Мы могли бы вырваться отсюда, оставив девушку парням. Вот это было бы разумно.

— Я хотел ее.

— Да, я знаю. Вот об этом и говорю. Теперь уже сегодня, а не вчера. Так почему мы все еще здесь? И она с нами?

— Я хочу еще.

Тогда мой пес рассердился.

— Ну, тогда послушай, дружок. Я тоже хочу несколько вещей: хочу есть, хочу избавиться от боли в боку и хочу убраться с этого места. Вполне возможно, что банда не оставит свою затею и вернется. Еще раз все проверить.

— Успокойся! Все это можно сделать. И это не означает, что девушка не может уйти с нами.

— Вот, значит, какие новости. Теперь мы превращаемся в бравую троицу, верно?

Я начал выходить из себя:

— Ты начинаешь говорить, как пудель! — прорычал я и поднял руку, чтобы врезать псу.

Он не шелохнулся. Я уронил руку. Я никогда не бил Блада.

И не хотел начинать сейчас.

— Извини, — сказал он тихо.

— Все в порядке.

Мы не смотрели друг на друга.

— Вик, у тебя передо мной ответственность, ты же знаешь!

— Тебе не обязательно напоминать мне об этом!

— Пожалуй, настала пора напомнить. И еще кое-что напомнить. Вроде того случая, когда тот, из радиационной ямы, выскочил из-за угла и попытался схватить тебя.

Я содрогнулся. Тот сукин сын был весь зеленый, в каких-то светящихся лишаях. Меня чуть не вывернуло при одном воспоминании об этом.

— И я напал на него, верно?

Я кивнул. Верно, друг, верно.

— И я мог бы здорово облупить и умереть. И все было бы кончено для меня, верно?

Я снова кивнул. Блад здорово поставил меня на место. Я не любил, когда мне напоминали такие случаи — всегда чувствовал себя виноватым. Мы с Бладом все делали пятьдесят на пятьдесят. И он это знал.

— Но я все же сделал это, правда?

Мне припомнилось, как пронзительно визжала та зеленая штука.

— Ладно, ладно. Не зли меня. Или, может быть, ты хочешь пересмотреть наше соглашение?

Тут взорвался он:

— Может быть, нам следует это сделать! Чертов тупица!

— Следи за своим языком, сукин сын, не то получишь по заднице!

Внезапно мы оба враз замолчали и сидели, не разговаривая, минут пятнадцать. Наконец, я немного уступил и заговорил успокаивающе и мягко. Я всегда был честен с ним, и так будет продолжаться и впредь, говорил я, на что пес ответил, что пусть лучше так и будет, потому что он знает пару толковых соло, обитающих в городе, и они с радостью возьмут себе такого пса, как Блад. На это я ответил, что не люблю, когда мне угрожают,



и пусть он не вздумает сделать неверный шаг, иначе я ему лапы переломаяю. Он разъярился и убрался в сторону.

— Черт с тобой! — крикнул я и пошел к котлу отвести душу с Квиллой Джун.

Но, когда я сунул голову в котел, она уже поджидала меня с пистолетом в руках. Цыпочка саданула точно под правый глаз, и, свалившись на пол, я вырубился.

## ГЛАВА 6.

— Я предупреждал тебя, что ничего хорошего от нее не дождешься, — выговаривал мне Блад, когда я очнулся.

Он смотрел, как я прочищаю и дезинфицирую рану йодом, и хмыкал, когда я морщился. Я сложил свое барахло, собрал на дне котла запасную амуницию, избавился от Браунинга в пользу более мощного 06-го. А потом нашел кое-что еще, должно быть, выпавшее из ее одежды.

Это была маленькая металлическая пластинка около трех с половиной дюймов длиной и полутора шириной. А на ней выбиты строчка цифр и в беспорядке расположенные дырки.

— Что это такое? — спросил я Блада.

Он взглянул на пластинку, понюхал.

— Должно быть, какая-нибудь идентификационная карточка. Девушка, наверное, с ее помощью может входить и выходить из подземки.

Эти слова и решили все. Я положил карточку в карман и пошел ко входу в спусковую шахту.

— Куда ты, к черту, направился?! — взвыл Блад позади меня. — Вернись обратно! Тебя там убьют! Альберт, сукин сын, вернись!

Я продолжал шагать. Мне необходимо было отыскать эту суку и вышибить из нее мозги. Даже если придется спуститься для этого в подземку.

Через час я подошел к шахте, ведущей вниз, к Топеку. Временами мне казалось, что Блад идет следом, держась в отдалении. Мне было наплевать. Я был взбешен. И вот передо мной вход: высокий, прямой, безликий столб блестящего, черного металла. Он оказался футов двадцати в диаметре, с совершенно плоской верхушкой. Просто колпак, только-то и всего. Я подошел к нему вплотную, покопался в карманах, выискивая металлическую пластинку. Вдруг кто-то потянул меня за правую штанину.

— Слушай, ты, недоумок! Ты не должен туда спускаться! Я в бешенстве отшвырнул пса ногой. Тот вернулся вновь.

— Выслушай меня!

Я развернулся и уставился на него с ненавистью.

— Альберт...

— Меня зовут Вик, ты, облизывающий яйца!

— Ладно, ладно, шутки кончились. Вик, — его тон смягчился. — Садись, Вик.

Я прямо весь кипел, но понимал, что предстает серьезный разговор. Пожав плечами, я устроился рядом с ним.

— Слушай, человек, — продолжал пес. — Та курочка действительно выбила тебя из нормальной формы. Ты сам **ЗНАЕШЬ**, что не можешь туда спуститься. У них там свои порядки и обычаи, они знают друг друга в лицо. Они ненавидят соло. Бродячие стаи совершают рейды по подземкам, насилая их дочерей и воруют пищу. Они убьют тебя, человек!

— Тебе-то какое дело? Ты же всегда говорил, что без меня тебе будет только лучше, — при этих словах Блад сник.

— Вик, мы прожили вместе почти три года. Были хорошие времена и дурные. Но этот момент может оказаться худшим из всех. Я напуган, человек. Напуган, что ты можешь не вернуться... Я голоден и должен найти какого-нибудь пижона, который взял бы меня... а ты сам знаешь, что большинство соло сейчас возвращаются в стаи и шансов у меня совсем мало. Я уже не так молод... И у меня болят раны...

В словах пса был смысл. Но я не мог перестать думать о той сучке, которая саданула меня рукояткой пистолета. И одновременно возникал образ ее нежной, обнаженной груди и то, как она негромко стонала, когда мы трахались... Я затряс головой и решил, что непременно должен рассчитаться с нею.

— Я должен идти, Блад. Должен.

Он глубоко вздохнул и еще больше сник. Пес понял, что все бесполезно. Я оставался непоколебим.

— Ты даже не представляешь, что она сделала с тобой, Вик!

— Я постараюсь вернуться поскорее. Будешь ждать?

Он помолчал немного, а я весь похолодел. Наконец, Блад произнес:

— Некоторое время. Может быть, я буду здесь, может быть, нет.

Я все понял. Поднялся и обошел вокруг металлического столба. Найдя щель, я опустил в нее карточку. Послышалось гудение, и часть столба отошла в сторону, открыв проход. Я даже не смог разглядеть соединительных швов, так все хорошо было подогнано. Затем открылась какая-то круглая дверца, и я ступил внутрь. Я обернулся и посмотрел на Блада. Так мы и смотрели друг на друга...

— Пока, Вик.

— Береги себя, Блад.

— Скорее возвращайся обратно.

— Приложу все усилия.

— Да? Вот и хорошо.

Потом я отвернулся от него. Снова послышалось гудение, и порталные створки входа сошлись за моей спиной.



## ГЛАВА 7.

Мне следовало догадаться! Конечно, время от времени курочки объявлялись наверху, поглядеть, что же делается на поверхности, что случилось с городами. Верно, такое происходило. Но зачем я поверил, что ей давно хотелось узнать, как это происходит между мужчиной и женщиной, что фильмы, которые она видела в Топеке, были сладкими, нравственными и скучными, и что девушки в ее школе шептались о порнокино, и у одной из них оказалась тоненькая книжечка, которую она читала с расширенными глазами... Конечно, я поверил Квилле Джун. Это было логично. Но я должен был заподозрить неладное — ловушку — когда она «потеряла» этот свой пропуск. Слишком уж просто, слишком невинно это выглядело. Идиот!

В ту секунду, когда входное отверстие затянулось за мной, гудение сделалось громче, а стены осветились каким-то холодным светом. Свечение пульсировало, гудение нарастало, пол начал раздвигаться, как лепестки диафрагмы. Но я стоял прочно, как мышонок в мультике, и пока не смотрел вниз, ничего со мной случиться не могло. Я бы не упал.

Но упасть все-таки пришлось. Я не понял, как они это делают, но пол как бы вывернулся и лепестки диафрагмы сошлись у меня над головой. Я заскользил по трубе, набирая скорость. Скользил не очень быстро — это было не падение, я просто опускался вниз. Теперь я знал, что такое спусковая шахта.

Иногда мне попадались на глаза надписи вроде «10-ый уровень» и другие обозначения, иногда видел входные отверстия секций, но нигде не мог задержаться. Наконец я опустился на самое дно и прочел на стене надпись: «Границы города Топека, население 22.860». Приземлился я безо всякого труда, согнув немного ноги в коленях, чтобы смягчить посадку.

Я вновь воспользовался пропуском, диафрагма — на этот раз немного больших размеров — раздвинулась, и я бросил первый свой взгляд на подземку. Я стоял на дне огромной металлической банки, достигающей четверти мили в высоту и двадцати миль в диаметре. На дне этой жестянки кто-то построил город. Красивый город, как картинка из книжки. Маленькие аккуратные домики, плавные изгибы улиц, подстриженные газоны и все остальное, что полагалось иметь такому городку. Кроме солнца, птиц, облаков, дождя, снега, холода, ветра, муравьев, грязи, гор, океана, звезд, луны, лесов, животных, кроме...

Кроме свободы.

Они были законсервированы здесь, как дохлая рыба в жестянке. Я почувствовал, как сжимается мое горло. Мне безумно захотелось исчезнуть отсюда, очутиться наверху, на воле. Меня била дрожь, руки похолодели, на лбу выступил пот. Это было безумием — спускаться сюда! Вон отсюда! Прочь!

Я повернулся, чтобы забраться снова в спусковую шахту, и тогда эта штука схватила меня сзади. Она была приземистой, зеленой, похожей на ящик, имела отростки с рукавицами на концах вместо рук и передвигалась на колесах. Она подняла меня над собой. Я не мог пошевелиться, разве что попробовать пнуть ногой здоровенный стеклянный глаз штуковины. Но вряд ли это помогло бы мне: я был взят в плен и не видел путей к освобождению. Штуковина поехала к Опеке, волоча меня.

Люди были повсюду. Сидели на крылечках, на скамейках, подстригали газоны, бросали монетки в автоматы, рисовали белую полосу посередине дороги, продавали и покупали газеты на углу, мыли окна, подравнивали кусты, собирали молочные бутылки в проволочные корзины, ныряли в общественный бассейн, выставляли ценники в витринах магазинов, прогуливались под ручку с девушками, и все они смотрели, как я качу на этом железном сукином сыне!

У меня же в ушах стоял голос Блада, его слова предупреждения: «У них там свои порядки и обычаи, они знают друг друга в лицо. Они ненавидят соло. Бродячие стаи совершают рейды по подземкам, насилуя их дочерей и воруя пищу. Они убьют тебя, человек!»

Спасибо, дружище!

Прощай.

## ГЛАВА 8.

Зеленый ящик прокатился через деловую часть города и притормозил у магазина с надписью на окне: «Бюро добрых услуг». Вкатившись через открытую дверь, он остановился. Меня уже поджидали: дюжина пожилых мужчин и пара женщин, чуть помоложе. Один из них подошел и вынул металлическую карточку из моей руки. Он стал ее разглядывать, перевернул и отдал самому старому из всех — морщинистому старикашке в мешковатых штанах с подтяжками. Старикашка забрал пластинку и бросил ее в верхний ящик стола.

— Обыщите его и заберите оружие, Аарон, — сказал старый хрыч.

— Хорошо, Лу, — ответил мужчина.

Он достаточно быстро и ловко обчистил меня, забрав все, даже нож.

— Освободите его, Аарон, — велел Лу.

Аарон чем-то щелкнул на спине железного ящика, и отростки с рукавицами отпустили меня. Я соскочил со штуковины. Руки мои онемели, места, где их сжимали металлические отростки, болели. У меня очень испортилось настроение. Я гневно уставился на эту компанию.

— Ну, мальчик... — начал было Лу.



— Какой я тебе мальчик, ты, жопа! — заорал я.

Женщины побледнели. Лица мужчин посуровели.

— Я говорил тебе, что ничего не получится, — промямлил другой старикашка, обращаясь к Лу.

— Дурная затея, — поддержал его более молодой мужчина.

Лу подался вперед и вперил в меня свой древний палец.

— Мальчик, тебе лучше вести себя воспитанно!

— Желаю вам, чтобы все ваши дети были уродами!

— Не вижу смысла продолжать, Лу, — проговорил один из мужчин.

— Грязный оборванец! — щелкнула своим клювом женщина.

Лу сердито на меня посмотрел. Его рот превратился в мерзкую черную линию. Я понял, что у сукиного кота не осталось ни одного зуба во рту, который ни был бы гнилым и вонючим. Он сверлил меня своими маленькими злобными глазками. Боже, ну и урод, словно птица, которая вот-вот начнет щипать мясо с моих костей. Он приготовился сказать нечто такое, что мне совсем не понравилось бы.

— Аарон, может быть, лучше снова отдать этого малого часовому? — прокрипел старикашка.

Аарон кивнул и направился к зеленой штуковине.

— Ладно, подождите с этим, — проворчал я.

Пожилой остановился, глянул на Лу. Тот кивнул, затем снова подался вперед и нацелил на меня свою птичью лапу.

— Ты готов вести себя хорошо, сынок?

— Да. Да!

— Ты твердо решил?

— Да, да, я твердо решил. Я же не б... Я уверен в себе!

— Тебе придется последить за своим языком.

Я ничего не ответил.

— Ты для нас вроде нового эксперимента, мальчик. Мы пытались заполучить кого-нибудь из вас и другими способами. Посылали хороших ребят захватить одного из ваших маленьких негодников, но никто из них не вернулся. Поэтому мы решили попробовать другой способ и послали девушку.

Я оскалился. Эта Квилла Джун. Я еще доберусь до нее!

Одна из женщин, та, что помоложе, вышла вперед и заглянула мне в лицо.

— Лу, тебе никогда не договориться с этим. Он — мерзкий маленький убийца. Ты только загляни в его глаза!

— Как бы тебе понравилось, если бы я воткнул дуло винтовки тебе в задницу, сука?

Она отпрянула назад. Глазища у дамочки стали бешеными. Лу снова рассердился.

— Извините, — сказал я. — Не люблю, когда меня обзывают разными паршивыми словами. Мужское достоинство, знаете ли.

Старый хрыч огрызнулся на женщину:

— Мэз, оставь его в покое! Я стараюсь поладить с ним по-хорошему, а ты только усложняешь дело!

Мэз нехотя отошла от меня и присоединилась к остальным. Ненависти в ее взгляде не уменьшилось.

— Как я уже говорил, мальчик, ты для нас что-то вроде эксперимента. Мы выстроили этот город около двадцати лет назад и прекрасно живем здесь. Мирно, порядок, люди уважают друг друга, никакой преступности, почтительность к старшим — совершенно замечательное место для жизни. Мы растем и процветаем.

Я ждал, что же последует дальше.

— Но мы обнаружили, что некоторые из наших горожан не могут иметь детей. А те женщины, которые могут рожать, рожают в основном девочек. Нам нужны мужчины.

Меня разбирал смех. Они хотели, чтобы я работал здесь в качестве жеребца. Я по-идиотски заржал.

— Бесстыдство, — угрюмо проговорила одна из женщин.

— Для нас это и так достаточно неловко, парень! Не создавай лишних трудностей, — Лу был смущен.

Боже правый! Я-то тратил большую часть своего времени на поверхности, заставляя Блада вынюхивать мне девок, а они здесь сами пожелали, чтобы я обслуживал их баб. Свалившись на пол, я хохотал, пока слезы не потекли из глаз. Наконец, я поднялся и сказал:

— Ладно. Отлично. Но я возьмусь за это дело только в том случае, если будут выполнены два моих условия.

Лу пристально посмотрел на меня.

— Во-первых, это Квилла Джун. Вначале я затрахую ее до потери пульса. Затем съезжу по голове, как она это проделала со мной!

Они пошептались немного, потом разошлись, и Лу ответил:

— Насилия мы не потерпим, но я полагаю, что Квилла может стать первой, как и любая другая девушка. Она может рожать, Ире?

Худой мужик с желтой кожей кивнул. Он выглядел не слишком-то счастливым по этому поводу. Старик Квиллы Джун, как я понял.

— Ну что же, тогда приступим. Выстраивайте их в шеренгу, — и я начал расстегивать свои джинсы.

Женщины завизжали. Мужчины схватили меня и поволокли в какой-то дом, где выделили комнату и сказали, что мне необходимо освоиться с жизнью в Топеке прежде, чем я приступлю к работе. У них так не принято, и все это, э-э, несколько неловко и они должны убедить остальных жителей города, что нашли верный способ. Как я понял из их намеков, если я поработаю на славу, они импортируют сверху еще нескольких молодых бычков и предоставят им свободу действия.



Я прожил несколько дней в Топеке, знакомясь с народом, наблюдая, как они живут и чем занимаются. Здесь было очень мило: они качались в качалках на крылечках, подстригали газоны, продавали газеты, слушали оркестр в парке, мыли окна, подравнивали кусты, бросали палки собакам, чтобы те их принесли назад хозяевам, выставляли цены на овощи перед своими ларьками, прогуливались под ручку с самыми уродливыми девицами, которых я когда-либо видел... Они наскучили мне до смерти!

Через неделю я готов был выть. Я чувствовал, как эта консервная банка давит на меня, ощущал давление земли надо мной!

Они ели искусственную дрянь: искусственные бобы и синтетическое мясо, поддельных цыплят и эрзац-хлеб. Все это казалось мне на вкус смесью мела и пыли.

Вежливость. Боже мой! Меня тянуло блевать от этой лживой ханжеской чепухи, которую они называли учтивостью. Хелло, мистер Такой-то. Хелло, миссис Сякая-то. Как вы поживаете? Как здоровье маленькой Дженни? Как Бизнес? Вы идете на встречу общины в среду? И я потихоньку начал разговаривать сам с собой, как сумасшедший.

Этот чистенький, аккуратненький, сладенький образ жизни, который они вели, был способен убить любого вольного человека. Неудивительно, что их мужики не могли сварганить пацанов, сил у них хватало только на девиц.

Первые несколько дней все глазели на меня, словно я вот-вот взорвусь и изгажу их чистенькие, побеленные заборы дерьмом. Постепенно они привыкли к моему виду. Лу отвел меня в магазин и экипировал в комбинезон с рубашкой, которые являлись здесь повседневной одеждой. Мэз, эта заносчивая сука, обзававшая меня убийцей, начала крутиться возле меня и, наконец, сказала, что хочет подстричь мне волосы и придать цивилизованный вид. Но я быстро раскусил эти «материнские» замашки.

— В чем дело, курица? — пришил я ее. — Твой мужик о тебе больше не заботится? — она попыталась съездить мне по морде, а я расхохотался. — Тогда подстриги ему яйца, бэби. Мои волосы останутся такими, как есть.

Мэз отстала и убралась. Полетела так, словно ей вставили дизельный движок в задницу.

Так я и жил до поры, до времени. Расхаживая по городу, присматривался. Они тоже присматривались, выжидали, изучали меня. В такой обстановке мои мозги не могли работать нормально. Я начал сторониться людей, появилась клаустрофобия, и я частенько забирался под крыльцо дома и сидел там в темноте. Вскоре это прошло. Но осталась раздражительность, излишняя агрессивность, временами я становился просто бешеным. Потом и это прошло. Я перестал психовать и начал искать выход. Внешне же я выглядел тихим, смирившимся и немного отупелым.

Мне дико хотелось убраться отсюда, из этого рафинированного рая. Вспомнив, как скормил Бладу пуделя, должно быть, сбежавшего из подземки, я приступил к поискам выхода на поверхность. Ведь пудель не смог бы подняться по спусковой шахте. Это означало только одно — наверх вели и другие дороги.

Мне разрешалось свободно бродить по городу, пока я соблюдал хорошие манеры. Тот зеленый ящик — часовой — всегда околачивался где-нибудь поблизости. Но я все-таки сумел разыскать путь наверх. Ничего сверхъестественного — он должен был быть, и я его нашел. А вскоре обнаружил место, где они держали мое оружие.

Я был готов. Почти.

## ГЛАВА 9.

Прошла ровно неделя моего прозябания в городке, когда Лу, Аарон и Ире пришли за мной. К этому времени я совсем одурел. Я сидел на заднем крыльце дома с трубкой и, сняв рубаху, загорал. Только вот солнца не было.

— Доброе утро, Вик, — приветствовал Лу, ковыляя с тростью.

Аарон одарил меня ослепительной улыбкой, которой улыбаются здоровенному быку перед тем, как он собирается вогнать свое мясо в племенную телку. Ире же выглядел неважно. Ему было не по себе. С чего бы это? Не сожру же я его Квиллу!

— О, привет, Лу. Доброе утро, Аарон, Ире, — Лу остался очень доволен моей приветливостью.

Погоди же, дряхлый ублюдок!

— Как ты? Готов ли встретиться со своей первой леди?

— Всегда готов, Лу, — ответил я, подымаясь.

— Приятно покурить в прохладе, верно? — поддержал разговор Аарон.

Я вынул трубку изо рта.

— Одно удовольствие.

Я улыбнулся. Трубка была даже не раскурена.

Они отвели меня на улицу Маригольд. Когда мы вошли в домик с желтыми ставнями и белым заборчиком, Лу сказал:

— Это дом Ире. Квилла Джун — его дочь.

— Сохрани ее бог, — прошептал я, широко раскрывая глаза.

У Ире запрыгала челюсть. Мы вошли внутрь. Квилла сидела на кушетке рядом с мамочкой, более старой и высохшей своей копией.

— Миссис Холмс, — произнес я и сделал маленький реверанс.

Она улыбнулась. Натянута, но улыбнулась.

Квилла Джун сидела сдвинув ноги и сложив руки на коленях. В волосы была вплетена голубая лента. Этот цвет ей очень шел. Что-то оборвалось у меня внутри.

— Квилла... — прошептал я.



Она подняла глаза.

— Доброе утро, Вик.

Потом мы немного постояли, смущенно переглядываясь. И тут Ире раскричался, чтобы мы отправлялись в спальню и поскорее кончали с этим противоестественным безобразием, пока Господь Бог не возмутился и не послал молнию нам в задницы. Я протянул руку моей цыпочке, и она взяла ее, не поднимая глаз. Мы пошли в заднюю часть дома, в спальню.

— Ты ничего не рассказала им? — удивился я.

Она покачала головой. Неожиданно я понял, что совсем не хочу ее убивать. Мне захотелось обнять ее, очень крепко. Что я и сделал. Она разрыдалась на моей груди, как маленькая девочка. Ее кулачки молотили меня по спине, наверное, от избытка чувств. Немного успокоившись, она начала сыпать словами:

— Вик, мне так жаль! Я не хотела этого делать, но пришлось, ведь я была послана для этого! Мне было так страшно! Я люблю тебя! А теперь, когда ты здесь, с нами, это уже не грязь, правда? Мой папа говорит, что так и должно быть, верно?

Я обнимал и целовал ее, говорил, что все в порядке, что по-другому она поступить не могла. Потом спросил, не хочет ли она уйти со мной? Да, да, да, она действительно очень этого хочет. Но тогда придется причинить боль твоему папочке — добром он нас не отпустит. Девушка была не согласна, хотя не слишком обожала своего выкрикивающего молитвы папочку. К тому же, она была неисправимо добропорядочна. Ну что же, придется действовать на свой страх и риск. По крайней мере, мешать она не станет.

Я поинтересовался, нет ли в комнате чего-нибудь тяжелого: подсвечника или дубинки. Ничего похожего не нашлось. Я порыскал и отыскал пару носков ее папаши в ящике комода. Затем свинтил медные шарики со спинки кровати и положил их в носок. Взвесив в руке это необычное оружие, я остался доволен. Вполне подойдет для задуманного дела.

Квилла смотрела на меня круглыми глазами.

— Что ты собираешься делать?

— Ты желаешь убраться отсюда?

Она кивнула.

— Тогда становись за дверь. Нет! Лучше забирайся в постель.

Девушка растянулась на кровати.

— О'кей, — удовлетворенно сказал я. — Задери юбку и раздвинь ноги.

Она в недоумении уставилась на меня.

— Делай, что говорю, если хочешь свалить отсюда, — приказал я.

Так она и сделала, а я немножко помог. Затем подошел к двери и сказал:

— Позови отца.

Она заколебалась, но через несколько секунд крикнула голосом, в котором слышались гнев, боль и отчаяние:

Папа! Папа, зайди сюда, пожалуйста!

Ире Холмс вошел, кинул взгляд на кровать, и челюсть у него отвисла. Захлопнув дверь ногой, я долбанул его по голове из всех сил. Он немного подергался, перепачкал кровью всю постель и, в конце концов, успокоился. Лицо девушки стало белым, как простыня, глаза вытаращены от ужаса. Кровь и мозги забрызгали ей ноги, и ее вывернуло прямо на пол. Да, теперь она не сможет мне помочь завлечь Аарона. Придется действовать самому. Я открыл дверь и, высунув голову, с обеспокоенным видом сказал:

— Аарон, будьте добры, зайдите на минуточку.

Аарон посмотрел на Лу, который с миссис Холмс переругивался о происходящем в спальне. Старикашка кивнул, и Аарон вошел в комнату. Он увидел кровь, Ире у своих ног и открыл рот для крика в тот самый момент, когда я съездил ему по башке. Он упал, как подкошенный. Медлить было нельзя. Я схватил Квиллу за руку и стащил с кровати. Слава богу, она молчала! Хотя тут обошлось без хлопот!

— Пошли!

Девушка попыталась вырвать руку, но я крепко держал ее и не собирался отпускать. Открыв дверь, я вытолкнул цыпочку из спальни. Глаза Лу округлились от изумления, и он начал подниматься, опираясь на свою трость, но тут же обрушился на пол: я вышиб трость из-под этого старого пердуна. Миссис Холмс глазела на нас, гадая, что же случилось с ее стариком.

— Он там, — ответил я на немой вопрос женщины, направляясь к двери. — Господь Бог ниспослал ему в голову.

Мы оказались на улице. Надо было поспешить и успеть забрать оружие до того, как поднимется паника.

Мое оружие хранилось в закрытом шкафчике Бюро Лучшего Бизнеса. Пришлось сделать крюк к моему пансионату, где у меня под крылечком лежал ломик, украденный с заправочной станции. Забрав ломик, мы быстро проскочили деловую часть города и напрямиком направились к БЛБ. Клерк попытался остановить меня, но получил ломиком в живот. Взломав шкаф в кабинете Лу, я забрал свой 06-ой, 45-ый, все припасы к ним, пику, нож, аптечку. Вооружившись, я почувствовал себя более уверенно в этом кастрированном мире. К этому времени Квилла Джун восстановила способность говорить членораздельно.

— Куда мы идем? О, папа, папа!..

— Хватит пап. Ты говорила, что хочешь быть со мной. Я возвращаюсь наверх, бэби, и если ты не передумала, держись ближе ко мне.

Она была слишком напугана, чтобы возражать. Мы вышли из Бюро, и тут я увидел этот чертов зеленый ящик. Он мчался на нас, растопырив свои отростки. Упав на одно колено, я перекинул



ремень 06-го через плечо и, точно прицелившись, выстрелил в огромный глаз часового. Потеряв глаз, эта штука разразилась ливнем искр, и остатки зеленого ящика, пошатываясь, въехали прямо в витрину магазина. Замечательное зрелище!

Я повернулся, чтобы схватить Квиллу и двинуться к выходу из подземки. Девушка исчезла! Оглянувшись по сторонам, я увидел в конце улицы всю их свору во главе с Лу. Старикашка еле шел, опираясь на трость. Точь-в-точь как огромный искалеченный кузнечик.

Раздались выстрелы. Звонкие выстрелы 45-го, который я отдал Квилле так, на всякий случай. Я посмотрел вверх и над крыльцом на втором этаже увидел ее, с пистолетом, положенным на поручень. Чисто профессионалка, целящаяся в толпу и выпускающая выстрелы, как Бешеный Билл Элист в фильме 40-го года. Но какая глупость, ей-богу! Глупо тратить на это время и патроны, когда нужно смываться.

Найдя лестницу, ведущую наверх, я стал подниматься, перескакивая через три ступеньки. Девушка была невменяема и хохотала каждый раз, когда целилась в кого-нибудь. Кончик языка высовывался из уголка рта, глаза блестели — бах! — один из преследователей опрокидывался. Квилле по вкусу пришлось это дело! В тот момент, когда я схватил ее, цыпочка целилась в свою тощую мамочку. Внезапный рывок помешал ей, и она промахнулась, а старая леди, проделав какое-то танцевальное па, продолжала бежать.

Девушка резко повернула ко мне голову. В глазах ее читалась смерть.

— Я промахнулась из-за тебя!

У меня мурашки побежали по коже от ее голоса. Я силой вырвал пистолет из рук этой придурочной. Тупица! Тратить на это патроны!

Волоча ее за собой, я обогнул здание, спрыгнул на какой-то сарай и приказал ей прыгать следом. Она заерепенилась, но я подбодрил цыпочку, заявив:

— Если можешь запросто стрелять в родную мать, стоит ли тревожиться из-за какой-то высоты? Прыгай, и все дела!

Она рассмеялась, будто пташка расщебеталась, и прыгнула. Направившись к двери сарая, мы выглянули. Путь был свободен. Толпу этих ханжей как ветром сдуло.

Нельзя было терять ни минуты, и мы быстрым шагом двинулись к южной окраине Топека. Там находился ближайший выход, который я раскопал во время прогулок. Дорога заняла минут пятнадцать и отняла много сил. Наконец мы остановились перед дверцей воздухозабора, тяжело дыша и изрядно ослабев. Я отколупнул запоры ломиком, и мы залезли внутрь большого воздухозаборного ствола. Внутри были лестницы, ведущие наверх, к свободе. Мы начали подниматься.



## ГЛАВА 10.

Наконец-то эта чертова лестница закончилась. Я отстрелил запоры люка, и мы выбрались наружу, примерно в миле от спусковой шахты. Этим, внизу, следовало знать, что не стоит связываться с соло, особенно с таким, как я. У них не было ни одного шанса.

Девушка валилась с ног от усталости, и я не мог ее винить. Уж очень нелегко дался этот подъем даже мне. Но мне совсем не улыбалось проводить ночь на открытом месте: здесь водились твари, с которыми и днем не пожелаешь встретиться. День подходил к концу. Скоро начнет темнеть. Подставив плечо моей лапоньке и всячески подбадривая ее, я на предельной скорости двинулся к спусковой шахте.

Блад оказался на месте. Выглядел он очень ослабленным: бока ввалились, раны загноились, глаза стали мутными. Но он все-таки дождался! Я наклонился к нему и поднял голову пса. Глаза его открылись, и он тихо произнес:

— Хэй...

Я улыбнулся. Боже, как это замечательно — снова видеть моего пса!

— Мы вернулись назад, дружище.

Блад попытался подняться и не смог.

— Ты ел что-нибудь, дружище? — мягко спросил я.

— Нет. Только вчера удалось поймать ящерицу... или это было позавчера.

Тут он увидел Квиллу Джун и закрыл глаза. Его передернуло.

— Нам лучше поторопиться, Вик, — сказала девушка. — Они могут нагрянуть через спусковую шахту.

Я попытался поднять Блада. Он обвис мешком у меня на руках.

— Слушай, Блад. Я двину в город, раздобуду еду и быстро вернусь. Ты только дождись меня.

— Не ходи туда, Вик, — попросил пес. — Я порыскал там после того, как ты ушел вниз. Стая обнаружила, что мы не изжарились в гимнастическом зале. Не знаю, как. Может, их собаки выследили наш запах. Они отметили нас дурной славой в этом городке, Вик. Мы не можем вернуться туда. Мы должны искать новое место.

Это придавало делу иной оборот. Мы не могли вернуться, а с Бладом в таком состоянии не могли идти на поиски нового места. И я знал, что если хочу остаться соло, мне не обойтись без собаки. Здесь же совсем нечего было есть, а Бладу пища нужна была без промедления, как и медицинский уход. Я обязан был что-то предпринять. И срочно.

— Вик, — голос Квиллы стал высок и капризен. — Пойдем! С ним будет все в порядке. Мы должны спешить.



Я свирепо взглянул на нее. Ну и стерва! Будто не видит, что пес на пределе. Солнце садилось. Блад дрожал в моих руках.

Она надула губки.

— Если ты любишь меня, тогда пойдем скорее!

Я не мог обойтись без собаки. Просто не выживу в одиночку. Я это знал наверняка. Если я ее люблю. Мне припомнилось, как она спросила меня: «Ты знаешь, что такое любовь?»

И все-таки я нашел надежный выход и быстро. Это был небольшой костер, такой, чтобы его не смогла заметить с окраины ни одна стая. Никакого дыма. И после того, как Блад съел свою первую порцию, я отнес его к входу в воздуховод в миле от костра. И мы провели ночь внутри ствола, на маленьком карнизе. Я держал его на руках всю ночь. Он спал хорошо. Утром я перевязал его. Он выкарабкается. Он сильный.

Пес снова поел. С прошлой ночи осталась масса еды. Я есть не стал. Не испытывал чувства голода.

Мы отправились через разрушенную пустыню. Надеюсь, нам повезет найти подходящий город и начать все сначала. Двигались мы медленно. Блад все еще хромал.

Прошло немало времени, прежде чем в моей голове перестал звучать ее голос, спрашивающий меня: «Ты знаешь, что такое любовь?»

Конечно, я знал.

Любой парень любит своего пса.



Перевод с английского  
Литературная обработка З. Кутовой  
Художник О. Щербакова

Редактор П. И. Тольев  
Технический редактор Непряхина  
Корректоры Т. И. Карпова, И. Р. Смирнова

Формат 60×90 1/16. Бумага писчая № 1. Гарнитура литературная.  
Печать высокая. Уч. изд. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,0. Тираж 80000 экз. Заказ 210.  
Цена 0,8 руб.